

Федеральное агентство по образованию

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Омское отделение

Российского общества интеллектуальной истории

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 3

2007

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

**Перевод «Энеиды» Вергилия в социокультурном
контексте России конца XIX века
(25 писем А.А. Фета Д.И. Нагуевскому)**

Перефразируя известное высказывание Е. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт», можно сказать, что и переводы в России больше, чем просто переводы, особенно классиков, особенно в XIX в. Переводы многих греческих и римских авторов свидетельствовали об усвоении,приятии античного культурного наследия в России в той особой социокультурной ситуации последних десятилетий XIX в. Конечно же, перевод не может заменить подлинника, но иногда, чтобы не стать достоянием только узких специалистов, филологов, переводы просто необходимы. И иногда русские переводы античных классиков становятся фактом, как литературным, так и историческим, что и случилось с поэмами Гомера¹. Менее повезло в этом плане римским авторам, они так и не стали «русскими» Вергилием или Горацием, или Овидием.

Довольно часто в научной литературе, посвященной как самому Вергилию и его произведениям, так и переводам его на русский язык, сетуется на то, что Вергилию в России не везло. То ли это оттого, что слишком его много было в гимназическом образовании и слишком оно было схолярным; то ли оттого, что не нашлось переводчика для Вергилия, подобного Н. Гнедичу с его талантливым переводом гомеровской «Илиады». В общем, фортуна-судьба была не слишком благосклонна к Вергилию и переводам его произведений в России.

¹ См.: *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. 2-е изд. М.: 2001. 400 с.

© Н.С. Алмазова, подготовка текста, предисловие и комментарий, 2007

Русских переводов «Энеиды» Вергилия существует несколько. В России «Энеида» была известна уже с XVIII в., первый полный перевод появился в 1770 г., сделан был г-ном Петровым. а следующий появляется спустя почти сто лет, в 1868 г., выполнен был Г. Шершеневичем, и довольно долго считался лучшим переводом. А спустя буквально десять лет один за другим выходят три перевода Вергилия – Соснецкого (1878 г.), Фета (1888 г.) и Квашнина-Самарина (1893 г.). Следующие попытки делаются лишь в XX в. В 1933 г. появляется перевод В.Я. Брюсова, который приобрел довольно дурную славу переводческого буквализма, несмотря на поэтический талант переводчика и практически специальную подготовку в области античной культуры², и последний перевод С.А. Ошера под редакцией Ф.А. Петровского³.

Обращает внимание, что именно в последние два-три десятилетия XIX в. появляется сразу несколько переводов «Энеиды». Это обращение, конечно же, вызвано необходимостью дать русскому читателю достойный перевод одного из величайших поэтов Рима. Это сознавали и сами переводчики. А.А. Фет довольно образно описал эту ситуацию применительно вообще к переводам античных классиков: «Что же сказать у нас о переводе древних классиков, где охотишься в безлюдной степи, куда нога человеческая не заходила?»⁴. Но, думается, что особая историческая и культурная ситуация той эпохи с ее интеллектуальными и духовными поисками также наложила свой отпечаток. О выделении именно этого периода и о его особых отношениях с античностью пишет Г.С. Кнабе, говоря, что античность, начиная с середины XIX в., уже не составляет того системообразующего элемента русской культуры, а превращается в сеть античных реминисценций в литературе, живописи, которые усиливаются именно в кон-

² См.: *Гаспаров А.Л.* Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода*. М., 1988. С. 29–62.

³ См.: *Петровский Ф.А.* Русские переводы «Энеиды» и задачи ее нового перевода // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 1966. С. 293–306.

⁴ *Энеида Вергилия*. Пер. А.А. Фета. со введ., примечаниями и проверкой текста ординарного профессора императорского Казанского университета Д.И. Нагуевского. Ч. 1. М., 1888. С. IV.

це века, придавая этой эпохе «специфический античный тон»⁵. Об этом же пишет и С.А. Ошеров, один из переводчиков «Энеиды» Вергилия уже в XX в.: «Непосредственные творческие импульсы, которые русская поэзия черпала в античной лирике, иссякли с окончанием пушкинской эпохи. Но не навсегда: с момента выступления старших символистов начинается новое приобщение русской культуры к культуре античной, в частности к античной лирике»⁶.

Публикуемые ниже письма А.А. Фета Д.И. Нагуевскому представляют собой уникальный источник. Ценность этих писем не только в том, что они принадлежат известному поэту XIX в. Афанасию Афанасьевичу Фету и дают сведения для его биографии, а также характеризуют его взгляды на перевод древних авторов. Они интересны еще и тем, что могут послужить и для исследования таких тем, как рецепция и восприятие античного наследия в России, история классического образования в России. Письма помогут раскрыть особый контекст той эпохи, представить особые личные связи между творческими людьми и людьми науки.

Письма А.А. Фета написаны профессору римской словесности Казанского университета Дарию Ильичу Нагуевскому (1845 – 1918). К сожалению, его личность и научная деятельность никогда не были предметом научного исследования⁷. Такое невнимание к этой интересной личности вполне объяснимо, поскольку фигура Д.И. Нагуевского, если можно так выразиться, всегда находилась несколько в тени на фоне тех знаменитых персоналий

⁵ *Кнабе Г.С.* Русская античность. М., 1999. С. 215.

⁶ *Ошеров С.А.* «Tristia» Манделшгама и античная культура // Ошеров С.А. Найти язык эпох: От архаического Рима до русского Серебряного века. М., 2001. С. 274.

⁷ Исключение составляют лишь несколько очень сжатых библиографических заметок и краткие упоминания заслуг ученого (см.: К 30-летию учено-педагогической деятельности (21 августа 1870 г. – 21 августа 1900 г.) // *Волжский вестник*. 1900. 20 августа. № 185; *Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904)* / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 135–141; *Библиографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1904–1917)* / Под ред. А.С. Шофмана. Казань, 1986. С. 16–17; *Асылбаев И.И.* Современник: страницы биографии Дария Нагуевского // *Античность: история и историки: Межвузовский сборник*. Казань, 1997. С. 13–17).

российского антиковедения конца XIX – начала XX в. Но, несомненно, личность и научно-педагогическая деятельность Дария Ильича заслуживают специального обращения.

Заслуженный ординарный профессор римской словесности Казанского университета Д.И. Нагуевский был крупным исследователем истории римской литературы и древностей, латинского языка, переводчиком римских классиков. После окончания Новороссийского университета (1870 г.) он работал преподавателем латинского языка в Рижской Александровской гимназии, защитил магистерскую диссертацию в Харьковском университете (1876 г.), а затем и докторскую уже в Дерптском университете (1883 г.). Как магистерская, так и докторская диссертации были посвящены творчеству римского поэта Ювенала. С 1883 г. Д.И. Нагуевский назначается профессором в Казанский университет, которому и посвятил почти 35 лет своей жизни. В течение всей своей профессорской деятельности Д.И. Нагуевский читал не только разнообразные теоретические курсы, но и вел практические занятия. Сущность своих занятий Д.И. Нагуевский видел, как писал он сам, «не только в научной разработке вопросов по латинскому языку, литературе и древностям, но и в подготовке студентов к преподавательской деятельности»⁸. Лекции и практические занятия Д.И. Нагуевского пользовались популярностью и любовью студентов. По его инициативе в 1885 г. была учреждена специальная библиотека классической филологии при историко-филологическом факультете – первое заведение подобного рода в российских университетах. Эта библиотека находилась в ведении Д.И. Нагуевского до января 1917 г. Другим не менее значимым учреждением, которое обязано своим рождением Д.И. Нагуевскому, является нумизматический университетский музей, созданный в 1886 г. Директором этого Музея Д.И. Нагуевский состоял со дня его основания и до самой смерти в январе 1918 г.

Помимо сугубо преподавательской деятельности и тесно связанной с ней работой в учебно-вспомогательных учреждениях при университете (библиотеке классической филологии и нумиз-

⁸ *Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904)* / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 136.

матическом музее). Д.И. Нагуевский вел активную общественную, культурную и популяризаторскую деятельность. Он был членом попечительского совета Казанского учебного округа по древним языкам (1883–1898 гг.), членом государственных испытательных историко-филологических комиссий Казанского и Новороссийского университетов, активно сотрудничал с редакциями казанских газет. Столь разносторонняя деятельность на педагогическом и общественном поприще не мешала Д.И. Нагуевскому заниматься и научными изысканиями в области истории римской литературы и латинского языка, римской истории, издавать переводы римских классиков. Своеобразным итогом многолетней работы ученого стала публикация монографии «История римской литературы». К сожалению, смерть Д.И. Нагуевского помешала окончательному завершению этого исследования, которое задумывалось как трехтомное. Д.И. Нагуевский занимался и историей Казанского университета, выпустил монографии по истории первых лет университета – о казанской гимназии накануне основания Казанского университета, о первых профессорах Казанского университета – Петре Андреевиче Цеплине, первом профессоре всеобщей истории, о Франце Ксаверии Броннере, где, кроме биографии профессора, Д.И. Нагуевский напечатал его дневник и переписку, причем дневник Броннера был переведен Нагуевским с латинского языка. Умер Д.И. Нагуевский 9 (23) января 1818 г.

Публикуемые 25 писем являются единственным свидетельством переписки между А.А. Фетом и Д.И. Нагуевским⁹. Письма относятся к 1887–1889 гг. Из них 18 относятся к 1887 г., 6 – к 1888 г. и одно – к 1889 г. Фет и Нагуевский не были лично знакомы. А.А. Фет обратился к Нагуевскому с просьбой помочь в написании примечаний для его перевода «Энеиды». Стоит отметить, что поэт довольно часто прибегал к услугам людей, владеющих древними языками. Это могли быть гимназические учителя, как это было при переводе «Од» Горация¹⁰, или известные профессо-

⁹ О самой истории см. нашу статью: «Habent sua fata... conversiones»: о переводе «Энеиды» Вергилия в переписке А.А. Фета и Д.И. Нагуевского // Проблемы ангиловедения и медиавистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 181–192.

¹⁰ Фет А.А. Воспоминания. Репринт издания 1890. Т. 2. Мои воспоминания 1864–1889. С. 387–390.

ра, как Ф.Е. Корш или просто любители римской литературы, как граф А.В. Олсуфьев¹¹.

Письма были переданы самим Д.И. Нагуевским в 1906 г. в Императорскую Публичную библиотеку, ныне РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 3. № 1325. Письма написаны на личных бланках. Подписи – автограф поэта – А. Шеншин.

Публикуемый текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии. Подчеркивания в тексте принадлежат авторам писем.

№ 1

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

11 марта 1887 г.

Les beaux esprits se rencontrent¹²

Как грамотному человеку, мне было бы совестно не знать Вас и Ваших почтенных трудов, а занимаясь переводами латинских классиков, не могу отказать себе в удовольствии обратиться к Вам письменно. <...>

Там, между прочим, граф Ал.Вас. Олсуфьев¹³ показал мне Ваше к нему письмо, в котором Вы выражаете желание, чтобы я занялся переводом «Энеиды». Это было для меня тем более радостно, что при получении Вашего почтенного письма половина первой книги «Энеиды» была уже мной переведена.

¹¹ Письма А.А. Фета к Гр. А.В. Олсуфьеву и комментарии к письмам см.: Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 401–418; 444–447.

¹² Великие умы сходятся (фр. посл.).

¹³ Олсуфьев Алексей Васильевич (1831–1915) принадлежал к старинному дворянскому роду, кавалерийский генерал, знаток римской литературы. Был лично знаком с ведущими русскими учеными-классиками, которые высоко ценили его знания и занятия классической филологией. Личное знакомство Фета и Олсуфьева состоялось в октябре 1886 г. и «долговременное и драгоценное сотрудничество», по выражению А.А. Фета, продолжалось 6 лет, вплоть до смерти поэта в 1892 г. Одним из заметных трудов самого Олсуфьева является исследование жизни и творчества римского поэта I века Марциала (*Олсуфьев А.В. Марциал: Биографический очерк. М., 1891. 139 с.*). Небольшой очерк об Олсуфьеве и его взаимоотношениях с А.А. Фетом см.: Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 444–447.

Хотя, положа руку на сердце, несмотря на красивые места в «Энеиде», работаю над ней не с тем же увлечением, как над другими поэтами¹⁴, – тем не менее сердечно рад, что эта работа займет мое деревенское время¹⁵.

В моем предисловии к Овидию¹⁶ я чистосердечно признаюсь, что я не более как любитель-переводчик, но нисколько не филолог. Для меня объяснения – только натканные ветки, указывающие надлежащий путь разума. Но у меня не хватает ни умения, ни терпения рассматривать каждую отдельную ветку порознь.

Но в «Энеиде», как мне кажется, таких разночтений в тексте не встречается, а я перевожу по Ladewig¹⁷, и эти обстоятельства внушают мне смелость надеяться, что Вы не откажетесь от любезной Вашей мысли написать самонужнейшие примечания к моему переводу, причем, конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода.

Дальнейшие шаги мои в этом направлении будут, конечно, зависеть от Вашего ответа, и, если он окажется благоприятным и Вы пойдете это нужным, – я начну высылать Вам одну песню перевода за другой, чтобы выслушивать Ваши, касательно стихов перевода, настоятельно требующих поправки.

¹⁴ А.А. Фета принадлежат переводы многих римских авторов. В 1883 г. он издает всего Горация, затем выходят «Сатиры» Ювенала (1885), «Стихотворения» Катюлла (1886), «Элегии» Тибулла (1886), «Превращения» Овидия (1887), «Энеида» Вергилия (1888), «Элегии» Секста Проперция (1888), а в последние годы: «Сатиры» Персия (1889), «Горшок» Плавта (1891), «Эпиграммы» Марциала (1891) и уже посмертно «Скорби» («Tristia») Овидия (1893).

¹⁵ С конца 1870-х гг. в жизни А.А. Фета установился определенный порядок. В 1877 г. он покупает усадьбу Воробьевка в Курской губернии и проводит там время с 1 марта по 1 октября, занимаясь творчеством и переводами римских поэтов, а зимние месяцы – с 1 октября по 1 марта – живет в Москве, в собственном доме на Плющихе, купленном им в 1881 г., ведя издательские дела. См.: Фет А.А. Воспоминания. Репринт издания 1890. Т. 2. Мои воспоминания. 1864–1889. С. 387–390.

¹⁶ Овидий П. Превращения. XV кн.: Пер. А.А. Фета. М., 1887.

¹⁷ Ладевиг Г. – немецкий филолог-классик, издатель и комментатор сочинений Вергилия (см.: Vergil's Gedichte. Erklärt von Th. Ladewig. II: Aeneide Buch I–VI. Zehnte Auflage von Carl Schaper. III: Aeneide Buch VII–XII. Mit einer Karte. Siebente Auflage von Carl Schaper. Berlin, 1870).

В письме Вашем к графу¹⁸ Вы назвали перевод Шершеневича¹⁹ устарелым, но, познакомившись с ним, я нашел в нем простой вольный пересказ содержания «Энеиды» и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода.

Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то, тем не менее, могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков. Переводить песни прозой – невозможно. Стихи имеют свои права, которые нарушать нельзя.

Я полагал, что «Энеида» представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, т.к. перевод её для меня труднее капризного Проперция²⁰.

Каково бы ни было Ваше решение по отношению к моей «Энеиде», прошу принять уверения в глубоком почтении Вашего покорного слуги.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 4–6.

№ 2

Московско-Курской ж.д.

станция Коренная Пустынь

31 марта 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Дозвольте болезненному старику, вместо всяческих излияний, мысленно дружески пожать Вашу руку не потому только, что она для меня рука помощи, а потому что это, слава Богу, рука русского ученого, горячо сочувствующего своей специальности. Мы до этого, увы! так далеко не доросли. Нечего Вам объяснять.

¹⁸ Имеется в виду граф А.В. Олсуфьев.

¹⁹ Вергилий П. Энеида Вергилия: Пер. Г. Шершеневича. Варшава, 1868. 331 с. (Это отдельное издание, впервые этот перевод был напечатан в журнале «Современник» в 50-х гг. XIX в. См.: Петровский Ф.А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 293–294).

²⁰ Выйдет в 1888 г., уже после издания «Энеиды» Вергилия. См.: Проперций Секст. Элегии: Пер. А.А. Фета. СПб., 1888. 178 с.

что мои классические переводы даже не окупают своих изданий. Но я работаю ни для прибыли, ни для известности, для крыльев которой у меня еще долго не будет надлежащей атмосферы. Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет напечатано: «Текст проверен и примечания написаны ординарным профессором Д.И. Нагуевским» – этот заглавный листок заменит для книги всякую похвалу критики.

При обращении к делу приходится сказать на первый раз так много, что прибегаю к пунктам.

1. Самый перевод служит для ученого указанием образа понимания оригинала переводчиком, и, следовательно, примечания необходимы только для непосвященных, которые без них местами ничего бы не поняли. Поэтому, объясняя, например, прозвище Цицеллий, нет никакой надобности испещрять, подобно Schaper²¹, примечаний ссылками на подлинные выражения «Илиады» и «Одиссеи». На этом же самом основании, как бы ни вопил глубокоуважаемый граф Олсуфьев, ни за что не приму в наше издание, нимало не подспоряющего дела оригинала, представляющего во всех отношениях только тормозящий груз, тогда как всякий может в стереотипном издании приобрести его за двугривенный.

2. Работая, при плачевной слабости зрения, с возможным напряжением внимания, но между тем безостановочно по урокам, в размере 50 стихов в день²², я ни за что не подвергну нашей «Энеиды» тем усложнениям и дерганьям самого оригинала, а

следовательно, и перевода и примечаний в самую минуту печатания, каким подвергался мой Овидий.

3. Поэтому я убедительно прошу Вас сначала беспоощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, который она ни сбросить, ни проглотить не в силах.

Вспомните, что мои ноги или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гекзаметра²³, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима. <...>

4. Перехожу к наиболее практическому способу исправления перевода: в случае замеченного Вами желательного исправления Вам достаточно (как это делает граф Олсуфьев) подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать под ними желаемый Вами перевод. Для этого, мне кажется, не нужно бы было пересылать всей обузы застрахованной песни, которой я (при операции страховки) даже не могу прямо за неимением почтовой конторы получать на станции Коренная Пустынь²⁴, а должен с потерей времени и усилий получать по предварительному объявлению из Курской почтовой конторы. Поэтому, раз что Вы карандашом сделаете надлежащие отметки над стихами прилагаемого при сем текста перевода, то, поручив перенеску последовательных стихов с Вашими пометами толковому переписчику за известное вознаграждение, Вы без всякого страха, можете высылать их простым письмом по моему адресу на станцию Коренная Пустынь, ибо, в крайнем случае (весьма невероятном) утраты письма, переписчик всегда может возобновить список. Я же со своей стороны, исправляя стихи, буду пересылать поправки под цифрами

²¹ Карл Шапер – немецкий филолог-классик, издатель и комментатор текстов Вергилия, исследователь его творчества.

²² Занимаясь переводами римских авторов, у А.А. Фета сложилась определенная система работы с ними. В своих воспоминаниях он пишет, как это происходило, например, при переводе сатир Горация. В этом деле ему помогал преподаватель латинского языка в гимназии немец Максим Германович Киндлер. Ранним утром, после кофе, А.А. Фет и М.И. Киндлер расходились по своим комнатам, чтобы познакомиться с данной сатирой Горация. Часам к 10-ти они сходились, и А.А. Фет читал свой перевод, после Киндлер уходил к себе и работал с этим переводом до 12-ти часов, затем завтрак, часовая прогулка и работа над следующей сатирой часов до 16. После 16-ти часов А.А. Фет ждал Киндлера, «чтобы прочесть ему те 30, 40 и даже 50 стихов, которые успел перевести за утро» (Фет А.А. Воспоминания. Репринт издания 1890. Т. 2. Мои воспоминания. 1864–1889. С. 389.) Видимо, эта норма в 50 стихов соблюдалась А.А. Фетом и при переводах других римских поэтов.

²³ Гекзаметр – шестистопный стихотворный размер. Состоит из шести дактилических стоп. Гекзаметр является размером больших эпических поэм.

²⁴ Усадьба Воробьевка, в которой весенне-летнее время проводил А.А. Фет, находилась недалеко от монастыря «Коренная Пустынь», около которого устраивалась так называемая Коренная ярмарка, одна из известных в России. От них и название станции Коренная Пустынь Московско-Курской железной дороги.

на Ваше благоусмотрение. Само собой разумеется, что, не желая сверх драгоценного труда Вашего вводить Вас в материальные издержки, я по мере указаний Ваших буду восполнять свой долг, с первою отходящею почтою. Полагаю, что удобнее всего и для Вас, и для меня это будет при окончании всех поправок.

5. Что касается необходимой краткой жизни Виргилия²⁵ или самого предисловия к книге, то нет никакой необходимости, равно как и самих примечаний, в высылке всего этого ранее октября месяца, т. е. приезда моего, если доживу, в Москву, к самому печатанию книги, форма которой, я совершенно согласен, должна быть сходна с изданием Schaper'a, т. е. в двух томиках²⁶.

6. Теперь еще одна и последняя усердная просьба: не откажите в нескольких выражениях общего впечатления, который произведет на Вас присланный мной перевод первой книги «Энеиды». Не могу в этом отношении ожидать ничего, кроме сущей правды, хотя и самое горькое мало поможет моей беде, ибо я, так сказать, в струнку вытягиваю свои силы.

²⁵ Правописание Виргилий через «и» было характерно для ученых, филологов-классиков XIX в. Vergilius – древнейшая форма написания, вместо Virgilius, которая появилась только в V в. н.э., но стала общеупотребительной в научных трудах. В русском же языке, не в научных текстах, было принята форма Вергилий. В дальнейшем это противоречие между научным Виргилий и общеупотребительным Вергилий сказалось на судьбе рецензий этого перевода. Д.И. Нагуевский был прямо обвинен в своей научной несостоятельности, поскольку проявил столь досадное невнимание к тексту и допустил написание Виргилий через «е», что было несвойственно традиции классической филологии тех лет. Но вины в этом Нагуевского не было, так как на написании через «е» настоял именно А.А. Фет. См. ниже письма № 14, 22.

²⁶ Имеется в виду двухтомное издание «Энеиды» Виргилия под редакцией и с примечаниями Т. Ладевига и К. Шапера. Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. II: Aeneide Buch I-VI. Zehnte Auflage von Carl Schaper. III: Aeneide Buch VII-XII. Mit einer Karte. Siebente Auflage von Carl Schaper. Berlin, 1870. Собственно само издание состоит из трех томов, первый том включает в себя «Буколики» и «Георгики» Виргилия. Ladewig Th. Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. Berlin, 1860. 187 р. Отметим, что эта книга, которая хранится в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КазГУ, имеет печати о принадлежности изначально этой книги личной библиотеке Д.И. Нагуевского (№ 241), а затем специализированной библиотеке классической филологии историко-филологического факультета Казанского университета (№ 260), которую и основал сам Д.И. Нагуевский в 1885 г.

А теперь, многоуважаемый Дарий Ильич, примите искренние выражения глубочайшего уважения вашего будущего ученика.
А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 7–9.

№ 3

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

30 апреля 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Все драгоценные замечания Ваши, как в первом письме, так и во втором, привели к исправлению текста, за весьма немногими ничтожными исключениями. <...>

Зато, к крайнему сожалению чтения Кинфа²⁷, Ксоанфа²⁸, Киферы²⁹ вместо Цинга, Ксоанта и Цитеры, я, не впадая в явное противоречие с латинским чтением греческих имен, которого держался до сих пор во всех моих переводах, – я принять не могу. <...>

Как ни нежелательны излишние примечания, но непосредственное чувство само укажет Вам те места, где, не взирая на точный и ясный перевод, читатель не специалист не поймет ничего без объяснения.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 10.

№ 4

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

30 мая 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Вторая книга уже исправлена по дорогим указаниям Вашим и, если бы дело шло так, как оно сложилось в Вашем воображе-

²⁷ Кинф (Кинф – в современной орфографии) – гора на острове Делос.

²⁸ Ксоанф, имеется в виду Ксапф, или Скамандр – река в Троаде, в Малой Азии.

²⁹ Кифера (Кифера) – остров к югу от Пелопоннеса.

нии, то мне бы следовало бы, щадя Ваше драгоценное время, заключить мои слова живейшей признательностью. Но некоторые, из ряда выходящие условия, вынуждают меня возможно кратко и ясно изложить вам настоящее положение дела.

Мучительная одышка, повергающая меня каждую ночь в смертельную истому, мало-помалу захватывает у меня и часы дня, так что, невзирая ни на какие сторонние надежды на мою дальнейшую деятельность, я вынужден, во-первых, торопиться и, проживая ежегодно в Москве лишь с 1-го октября по 1 марта, воспользоваться последним предстоящим зимним сезоном, чтобы покончить печатание всех моих работ; а во-вторых, не предпринимать никаких новых, за исключением, быть может, диктования в свободные от недуга минуты мемуаров.

Таким образом, мне предстоит нынешней осенью печатание: 1) пятидесяти моих неизданных стихов, 2) перевод[а] Персия³⁰, при издании которого Ваша о нем книга мне может быть драгоценным подспорьем, 3) Элегий Проперция³¹, готовых к печати, и, наконец, 4) нашего Вергилия, доведенного в настоящее время до девятой песни. В моем предисловии я напечатаю, что я всегда брался тщательно переводить классиков по известным мне наилучшим толкованиям, но никогда не считал своим призванием писать примечания или жизнеописания. Это, т. [ак] с.[казать], мой подарок, а даровому коню в зубы не смотрят. После этого понятно, с одной стороны, до какой степени я высоко ставлю значение ваших примечаний и жизнеописания Вергилия, написанных рукой специалиста. <...>

Я очень счастлив, что Вы разделяете мой взгляд насчет краткости примечаний, но что же я буду делать, если Ваше жизнеописание и примечания только первых шести книг будут закончены только к 1 октября? Не разрешите ли Вы мне в таком случае оговорить в первом томе, что примечания в нем продукт Вашего труда, а затем, ввиду невозможности поступить иначе, издать второй том с примечаниями собственного изделия, кото-

³⁰ Персий будет издан в 1889 г. См.: Сатиры Персия: Пер. А.А. Фета. СПб., 1889. 45 с.

³¹ См. список № 20.

рые я берусь составить в течение двух недель. *Dixi et animam salvavi*³².

Только ввиду таких вопросов не посылаю Вам в настоящее время набело переписанных шестой и седьмой книги, и буду, во всяком случае, ждать Вашего распоряжения.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 11–12.

№ 5

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

18 июня 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Не нахожу слов благодарить Вас за отрадное намерение Ваше украсить перевод «Энеиды» орнаментом, какого он, быть может, и не заслуживает. Во всяком случае, «Энеиде» с этой стороны выпадает завидная доля перед всеми моими переводами.

Вторая книга в настоящее время окончательно исправлена по Вашим указаниям, между которыми капитальнейшими являются относящиеся к 236 стиху³³. Что же касается до 474-го стиха³⁴, то ветреча в русском гекзаметре таких слов, оруженосец и Автомедонт³⁵, представляет непреодолимое препятствие, и я только переделал «преданный» на «спутник».

³² Немного измененная латинская фраза: *Dixi et animam meam salvavi* – Я сказал и тем спас свою душу.

³³ К сожалению, в чем же действительно заключались «капитальнейшие» указания, пока выяснить не удалось. В отрывке речь идет о том, как жители Трои внесли знаменитого троянского кося в свой город. Стих 236 звучит следующим образом: «Под ноги, чтобы капить и тянуть шеи веревки
Из пеньки...».

Примечания, написанные Д.И. Нагуевским к этому стиху, следующие: «Привязав веревку к шее коня, они тащут его» (Энеида Вергилия: Пер. А.А. Фета. Ч. I. М., 1888. С. 44).

³⁴ Возможно, А.А. Фет ошибся. Автомедонт упоминается в 477 стихе, а не в 474-м.

³⁵ Автомедонт – греческий герой в Троянскую войну.

Вместе с сим прилагаю шестую, седьмую и восьмую книги, а девятую и следующие, вероятно, согласно Вашему распоряжению, придется уже выслать в августе – в Казань.

Если же догадка моя неверна, то благоволите изменить дело, уведомив меня о том. Т.к. раньше 1-го октября я в Москве не буду, то во избежание многократных хлопот всего удобнее было бы к 1 октября выслать готовые примечания и жизнь по неизменному нашему московскому адресу: Плющиха, собственный дом.

А. Шеншин

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 13.

№ 6

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

24 июня 1887 г.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Сердечно благодарю Вас за письмо от 18 июня и сообщение об успешном ходе работы. Ваши примечания, помимо пользы делу, приводят меня в эстетический восторг. Чувствуешь под собой могучее веяние крыльев Дедала, до мельчайших подробностей владеющего своим искусством. Чего стоит замечание об эффективной замене дактиля³⁶ спондеем³⁷ на двести десятом стихе! Тут прибавлять нечего. Ни одно из Ваших замечаний не ломает работы несчастного раба переводчика, которому порой приходится плохо. Все по возможности с глубочайшей признательностью исправлено. Даже простые описки, как: Цэлана, Эгейский, Омара, Камерина, Аркагант, на радостный берег. 443 стих: не справившись со словом *furens* – восторженно, я поставил кипящую. Но у меня в трех изданиях стоит не *furentem*, а *insanam*, что не изменяет смысла³⁸. Буду ждать Ваших дальнейших распоряжений.

³⁶ Дактиль – трехсложная стопа, в которой долгий (ударный) слог предшествует двум кратким (безударным). Часто использовался в гекзаметре.

³⁷ Спондей – двусложная стопа, состоящая из долгих слогов.

³⁸ В окончательном варианте этот стих выглядит так: «Ярую вещь ты узришь, что судьбы изрекает...». В примечаниях к этому стиху Пагуевский пишет,

С глубочайшей признательностью и почтением Ваш слуга
А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 14.

№ 7

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

2 июля 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Четвертая книга, согласно драгоценным указаниям Вашим, в настоящее время исправлена до мельчайших подробностей, оказавшихся описками, отсутствующими в остающемся у меня экземпляре. При этом решаюсь представить Вам следующие две поправки.

Ст.[их] 121. Дело военное, а тем более охотничье, в сущности, весьма мало подвинулось вперед с древнейших времен. Вашею заметкою Вы заставили меня с большей ясностью всматриваться в смысл этого стиха. Я перевел первоначальное *alae*³⁹ словом кричан, которым на охотничьем языке называется вся шумящая цепь загонщиков, проходящая лесом по направлению к рассыпанным, т. е. повешенным на кустарниках тенетам, к которым по недостаточности их долготы с обоих боков приставляются подобные же [неразб.]⁴⁰, именуемые и до сих пор у охотников крыльями, а когда настоящих таких крыльев нет, то вместо них привязывают веревки с подвесками из разноцветных лоскутьев, мочал и перьев, что неоднократно я сам видал на охотах с тенетами и о чем говорится в словаре Люнемана под словом *alae* – die federlappen, die bei der Umstellung eines Waldes angebracht werden, Virg. Aen., 4, 121⁴¹.

что речь идет о вешей кумейской Сивилле. «Денфобе», жрице бога Аполлона, и под «ярой» подразумевается «восторженная» (см.: Энеида Вергилия: Пер. А.А. Фета. ... С. 85). Латинское «*furens*» означает бешеный, неистовый, яростный; а «*insanus*» – иступлённый, экстатический, восторженный, вдохновенный.

³⁹ *Ala,ae f* – крыло (лат.).

⁴⁰ Слово пера? борчиво, вероятно, «снести».

⁴¹ *Lünemann G.H.* Lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisches Handwörterbuch. Bd. I 2. Leipzig. 1831. Стлб. 132.

Следовательно, как раз указано наше место, в котором Виргилий очевидно говорит не о погонщиках и тем менее конных, которых в лесу быть не может, а о прямо противоположной линии совершенно готовых к восприятию зверей тенет. Поэтому нельзя согласиться с толкованием Ladewig'a, превращающего Энея и Дидону с их провожатыми в alaе – легиона или эскадрона, т. е. в чернорабочий кричан, тогда как на охоте, в их удовольствие происходящей, им следует наслаждаться зрелищем попадающих в тенета зверей. А не загонять зверей, ничего не видя, для кого-то. Итак, если бы я переводил прозой, то перевел бы: пока дрожат (трещат) крылья и рощу тенетами окружают; и согласно этому предлагаю стих на исправление: «как по крылам зашумит и тенетами рощу обступят».

Ст.[их] 244. Исправлен так: сон дает и берет / и мертвым глаза разверзает.

Ст.[их] 614. У Ladewig'a, текста которого я держусь, стих кончается не *hic terminus esto*, а *hic terminus haeret*, и потому я перевожу: И Зевеса судьбы так велят, здесь предел остается⁴².

Ст.[их] 611. В исправленном виде теперь так: «Это приивши, на злых заслуженную месть обратите».

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 15–16.

№ 8

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

20 июля 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Перевод пятой книги добросовестно исправлен согласно драгоценным указаниям Вашим.

Ст.[их] 733, наделавший мне при переводе столько хлопот, согласно указанию Вашему, наконец исправлен следующим образом:

⁴² В окончательном варианте стих выглядит так: «И Зевеса судьбы так велят, предел тут положен».

«Сын, ко мне поспешай. Ведь не в Тартаре я нечестивом,
Иль среди печальных теней, а я обитаю Элизии».

Ближе этого я перевести не в силах. Через месяц думаю кончить «Энеиду», т.к. нахожусь на трехсотом стихе двенадцатой книги, и буду ожидать Ваших распоряжений касательно высылки дальнейших книг.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 17.

№ 9

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

10 августа 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Заранее горжусь и радуюсь увидеть посильный перевод «Энеиды» в мастерской и капитальной рамке, которую Вам удобно было ему придать. Обо всем этом было сказано в моем предисловии, и я вполне разделяю основную мысль Вашу, в которой мы встретились еще до нашего сотрудничества, что сколько-нибудь порядочный перевод «Энеиды» составляет насущную потребность нашей литературы, которая, по словам одного моего приятеля, порой напоминает человека в щегольской шляпе, перчатках и глянцевах ботинках с *rinse-nez*⁴³ на носу, но затем без малейшего признака одежды.

Я писал уже Вам, что издание «Энеиды», Проперция и Персия в начале нынешней зимы будет Геркулесовыми столпами моей переводческой деятельности. Потому ли, что силы мои убавляются в геометрической прогрессии или почему иному, но только благочестивый Эней, которого я собирался перевести, забавляясь, заставил меня потрудиться весьма серьезно. В настоящую минуту и остальные четыре книги переведены окончательно и проверены и выправлены до последней возможности, так что всякая затем неточность – только свидетельство бессилия.

⁴³ Пенсне.

Шестая книга уже исправлена по драгоценным указаниям
Вашим таким образом:

22 ... и стоит при вынутых жребиях урна.

23 ... Вставши из моря земля...

53 Дом вдохновенный свой зев великий разверзнет,
так молва...

121. Поставил Поллукс, хотя в словаре Леонтьева⁴⁴ он Пол-
лук⁴⁵.

150. Горе! Не ведаешь ты ...

213. Плакали временем тем над Мизеном у берега Тевкры,
Неблагодарному честь воздавая последнюю праху.

221. И одеяньем, кладут знакомым.

304. Он уж старик, но черства и цветуща...

412. Разогнал и очистил корму, и в лодку Энея
Принял огромного...

432. Урну Минос судия сотрясает...

484. Держась одного издания Ladewig'a, в котором стоит
Polyrhoeten, оставляю Полифет.

588. Через греков народ и чрез город срединной Элиды.

729. Очень рад, что Вы разрешаете мраморной, которой мне
так было жаль.

825. С грозной секирой и на отбившаго стяги...

Ввиду приближающегося 23 августа приходится ожидать
Ваших распоряжений уже из Казани.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 18–19.

⁴⁴ Имеется в виду Полный лагинский словарь, составленный по современным российским словарям Апаньевым, Яснецким и Лебединским. М., 1862. VIII. 910. Этот словарь был издан в типографии М.Н. Каткова и под редакцией П.М. Леонтьева, известного филолога-классика той поры. Наиболее значительным вкладом в науку явились изданные им «Прописки: Сборник статей по классической древности»: В 5 т. М., 1855–1857.

⁴⁵ В напечатанном тексте «Энеиды» стоит именно, как в словаре Леонтьева Поллук.

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

30 августа 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При первом обращении к Вам, основанном на благосклонной готовности Вашей явиться мне на помощь в моем стремлении снабдить русскую литературу переводом «Энеиды», действительно заслуживающим такого названия, я имел случай выразить Вам мою глубочайшую признательность и в то же самое время в кратких словах разъяснить свое положение в этом деле как переводчика, редактора и издателя. Надеюсь, что самый текст перевода покажет Вам, с какой pietate⁴⁶ я не пропустил ни одного из драгоценных указаний Ваших. Как редактор я не раз имел случай изъявлять Вам мою радость по поводу появления «Энеиды», не в пример всем прочим моим переводам, не в казенной рамке компиляции на скорую руку. Об этом с должною ясностью и подобающей Вашему авторитету признательностью я говорю в моем предисловии к «Энеиде». В том же письме я имел честь совершенно ясно раскрыть перед Вами свое положение как издателя, хотя в то время дело распада перевода на две отдельные части еще решено не было. Вам известно, что печатание моих изданий движется в весьма ограниченном собственном экономическом кругу, в котором расходы печатания с большою натугой возмещаются книжной продажей.

Итак, при этом деле я состою, так сказать, в качестве распорядителя, следящего за безошибочностью баланса, указывающего на границы предстоящих новых расходов по изданиям. Т.о., в день прибытия моего 1 октября в Москву я вынужден начать с проверки выручки от продажи книг и самому точному сведению баланса, для того чтобы знать, могу ли я продолжить идти далее в том же направлении по счетной части.

Вот почему имею честь покорнейше просить вас почтить меня уведомлением об окончательном моем Вам долге по первому тому «Энеиды».

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 20–21.

⁴⁶ Уважение, любовь (лат.).

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

25 августа 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Жизнеописание Ювенала⁴⁸, присылкой которого Вам удобно было почтить меня, доставило в то же время мне возможность как бы предвкусить жизнеописание Virgiliya. В моем предисловии я прямо умываю руки по поводу филологических работ, связанных с добросовестным переводом, и чтобы мы, переводчики классиков, ни делали, всякий видит, что филология для нас только подмазка маслом сковороды, без которой блин пристанет, а не свежее масло, сдабривающее окончательно испеченный блин. Поэтому в Вашем жизнеописании всякий увидит самобытного хозяина, а в моих – нищего, набивающего свой мешок чужими объедками. Предполагаю, что жизнеописание Virgiliya, исходя, т.[ак] с.[казать], догматически от Вас, хотя бы и с указанием главнейших точек опор, будет еще сжатее, т.к. будет лишено полемического характера.

Торопиться Вам с высылкой примечаний и жизнеописания к первому тому нет основания, т.к. раньше 1-го октября я в Москве не буду и, конечно, тотчас же приступлю к напечатанию первого тома. Поэтому прошу Вас о высылке тетрадей (Москва, Плющиха, собственный дом) не ранее 25 сентября. Если же без особого для себя стеснения можете выслать рукопись ранее 15-го, то получение оной меня не стеснит, т.к. с недавних пор у нас на станции Коренная Пустынь открыто формальное почтовое отделение.

В подтверждение дилетантизма моей филологии вынужден прибегнуть к вашей помощи в следующем деле.

Для издания сборника моих стихотворений мне необходимо перевести стих:

«Habent sua fata libelli»⁴⁹.

Т.к. мной переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мной переведен; тем не менее, несмотря на все мое старание, я не мог его нигде разыскать, и прошу Вас великодушно указать мне его надлежащее место, указав, конечно, и автора.

Во исполнение желания Вашего предлагаю, во-первых, перевод двустипия:

Mantua me genuit...

«Мантуею порожден, Калабрами (взыскан) схвачен, живу я
В Партенопе, я пел пастбища, села, вождей».

Во избежание резкости представления на русский язык, решаюсь предложить вместо не совсем точного, но необычайного схвачен еще менее точное, но совершенно русское взыскан, если Вы не предпочтете третьего варианта принят, который по-моему дальше всех, т.к. переводит мощное действие калабров, выражаемое словом garuere в совершенно пассивное.

Равным образом после долгого и оживленного спора с двумя приятелями касательно перевода слова Parthenope, которое мною переводится, согласно лексикону Леонтьева, тем самым именем, которое стоит у Virgiliya и тождественно с именем нимфы, сообщившим это имя месту, тогда как противники уверяли, что принято обзывать Неаполь Партенопию, но почему – никто не говорит, тогда как ничто не мешает Virgiliyu поставить излишнюю reia⁵⁰. Я полагаю, что наша теперешняя обязанность восстановить правильное, а не увлекаться неправильным, хотя бы и рутинным.

Предлагаю Вам перевод Проперция II 34, 65, как он состоит в моем переводном тексте:

⁴⁹ Книги имеют свою судьбу (лат.).

⁵⁰ В данном случае речь идет о написании латинского окончания слова Партенопа. Встречается как Parthenope, es f – Парсенопа: 1) одна из сирен, которая после отъезда Одиссея бросилась в море там, где впоследствии был построен город Партенопея, ныне Неаполь; 2) древнее название Неаполя, так и Parthenopeus, а также прилагательное от Parthenope – партенопейский, неаполитанский (см.: *Березин И. А.* Латинско-русский словарь. М., 1996. С. 555).

⁴⁷ Письма хранятся в Отделе рукописей в переплетенном виде. Письмо от 25 августа 1887 г. идет за письмом от 30 августа этого же года. Возможно, что техническая ошибка при переплете писем.

⁴⁸ *Нагуевский Д. И.* О жизнеописании Ювенала. Исследование Д. И. Нагуевского, орд. проф. императорского Казанского университета. 2-е издание. Казань, 1887. 36 с.

«Прочь вы, римские писатели, прочь вы и Греки:

Большее нечто растет и Илиады самой».

Зная, что у Вас на первое время еще седьмая и восьмая книги «Энеиды», со спокойным духом вышлю остальные четыре книги в Казань в первых числах сентября.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 22–24.

№ 12

Московско-Курской ж.д.
станция Коренная Пустынь

14 сентября 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Прилагая при сем последние четыре книги «Энеиды», прошу великодушно извинить меня, что отнимаю несколько минут дорогого Вашего времени на необходимые, с моей точки зрения, разъяснения.

Ввиду болезненности глаз моих гостей у меня приятель⁵¹, хорошо знающий древние языки и вполне владеющий русским стихом, вызвался помогать мне при переводе «Энеиды». Во избежание разногласий при нераздельном сотрудничестве он взялся перевести отдельно седьмую, девятую и десятую книги, о чем будет сказано в предисловии. Ибо целью моею никогда не было выставить собственные заслуги, и я хотел дать нашей литературе то, чего в ней, к крайнему сожалению и стыду, до сих пор не было. Чьею рукой именно восполняется этот пробел, для меня безразлично. Вы, без сомнения, давно заметили, что я держусь не

одних латинских вокабул, но и объяснения их немцами. Там же, где и этого подспорья по недостатку моему оказывается недостаточно, прибегаю к благодетельным указаниям вашим, которые, сколько бы их не оказалось, всегда принимаю с глубочайшей признательностью.

Не так идет дело с моим приятелем. Увлекаясь знанием латинского языка, он не всегда справляется с немцами и в болезненном раздражении готов отстаивать явные промахи перевода. Тем не менее с большими усилиями с моей стороны мне малопомалу удалось склонить его к принятию многочисленных вариантов, введенных мной в перевод, но затем уже он решительно противится всяческим поправкам с моей стороны, а между тем, как Вы увидите, я нахожу необходимым ввести новые в начале девятой книги. Между тем он знает, что последнее слово во всей «Энеиде» за Вами. Знаю это и я, и при напечатании слово будет в нашем разноречии решающим *argumentum ad hominem*⁵², ввиду которого ни тот, ни другой возражать не может.

В Москве 1-го октября буду ждать присылки Вашей работы, т.к. по опыту знаю, что нельзя [ни] одного дня медлить с напечатанием, и равно буду поджидать Ваших указаний и исправлений следующих книг.

При сем в оплату долга моего прилагаю 20 руб. и еще раз приношу Вам мою глубочайшую признательность.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 25–26.

№ 13

Москва
Плющиха, собственный дом

17 сентября 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Выслав третьего дня на имя Ваше четыре последних книги «Энеиды», спешу присовокупить два слова.

⁵² Аргумент к человеку (лат.).

⁵¹ Речь идет о В.С. Соловьеве (1853–1900), поэте, философе, критике, публицисте, сыне историка С.М. Соловьева. Из письма А.А. Фета гр. А.В. Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г. узнаем, что В.С. Соловьев гостил в Воробьевке у Фета по крайней мере с апреля 1887 г. «Хотя я по мере упадка моих сил считаю перевод «Энеиды» своим последним трудом, но гостящий у нас в настоящее время — и надеюсь, на все лето — Владимир Сергеевич Соловьев любезно вызвался помогать мне в переводе, а при его основательном знании латыни и мастерском владении русским стихом — помощь его для меня драгоценна» (Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 402–403).

Если Вы не справлялись о *libelli*⁵³, то и не беспокойтесь при многочисленных трудах Ваших. Я узнал, что весь стих принадлежит грамматике III века по Рождеству Христову Теренциану Мавру и гласит: «*pro captu lectoris habent sua fata libelli*».

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 27.

№ 14

Москва
Плющиха, собственный дом 8 октября 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Благодарю Вас за аккуратную высылку всего почтенного труда Вашего, который в точности будет воспроизведен в печати согласно указанию Вашему, начиная с обертки и заглавного листа до примечаний по цифрам стихов. Единственное изменение, которое я себе позволяю, состоит в том, что, указывая в моем предисловии на текст *Ladewig*'а, я всюду держусь его правописания Вергилий, а не старинного *Virgilius*. Завтра уже ожидаю первой корректуры и подписи типографии с неустойкой на случай неокончания первого тома к 15 декабря. Следовательно, рассчитывая на законное время пребывания новой книги в цензурном комитете, думаю, что к праздникам буду в состоянии выслать Вам желаемые экземпляры на веленовой⁵⁴ бумаге.

В свою очередь буду поджидать по примеру прошлого времени Ваших заметок по стихам переводного текста и дальнейших примечаний, по мере успешности дела. Необходимо, чтобы после праздников я мог продолжить печатание второго тома, т.к. к половине февраля следует окончить всю работу.

⁵³ Книге (лат.).

⁵⁴ Веленовая бумага – высокосортная, плотная, гладкая бумага, бежевого или желтоватого оттенка, с характерным блеском, похожая на велень – высший сорт выделанной кожи. Сырьем для этой бумаги служила тряпичная масса.

Что касается до письменного экземпляра перевода, то, имея в руках дублиеты, каждый раз, исправляемый согласно указаниям Вашим, я в нем нужды не имею.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 28–29.

№ 15

Москва
Плющиха, собственный дом 23 октября 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При несомненном свидетельстве любезного участия Вашего при издании моего перевода «Энеиды», заявленного на самом заглавии книги и, кроме того, моим и Вашим предисловием, считаю излишним докучливо выражать Вам мою за него душевную признательность. Что касается до меня, то, привыкши издавна к литературному против меня недоброжелательству, я главным образом занят печатанием моих трудов и скорее могу искать имени ученого специалиста, каково Ваше, в поддержку моему, являющемуся на обертке классического перевода с очевидным оттенком дилетантизма. Вот почему я в день получения Вашей рукописи без всяких задних мыслей изъявил полное согласие на все Ваши требования.

В настоящем случае, о котором буду говорить далее, необходимо прежде всего указать на действительную судьбу нашего переводного текста. Понятно, что я просил Ваших указаний на недомолвки, неточности и даже неверное понимание текста в уверенности, что одного Вашего намека достаточно будет, чтобы открыть мне глаза. Но в просьбе моей очевидно не может заключаться смысла, что я обязан следовать и тем указаниям, с которыми я не согласен. Я очень рад, что оригинальный текст перевода остается у Вас: по нему Вы можете убедиться, что я тщательно воспользовался всеми Вашими указаниями, но что независимо от них я ни на минуту не переставал по мере сил исправлять свой текст при новых, частых пересмотрах, такие исправления целых

стихов случаются и в настоящее время по самой корректуре. Явно, что я не имею нравственного права быть настолько же снисходительным к затруднениям переводчика, как сторонний критик. Скажу более. Желая оставить за Вами полную ответственность за примечания, я не касаюсь в них, ни одной юты даже там, где считаю их чересчур недоверчивыми разума читателя, например, кн.[ига] I, ст.[их] 293: «Железом затворов», т. е. «железными затворами»⁵⁵. Тем не менее я вынужден всюду принятым мною чтением имен по латинскому тексту подгонять эти имена в примечаниях к последнему, хотя в примечаниях они являются в греческой форме: Кинф, вместо Цинта и т. д.

На днях, находившийся в отсутствии, сотрудник мой Владимир Соловьев, увидав черновую обертки и заглавного листа (это было в кругу людей, принимающих живое участие в моей «Энеиде»), разразился, можно сказать без преувеличения, неожиданным для меня бунтом, укоряя меня в том, что я без ведома его открываю товарищескую фирму, в которой он, как несомненный сотрудник, имеет полное право участвовать, и напрямик заявил, что, довольствуясь заявлением в предисловии о его сотрудничестве, он положительно отказывает в согласии на выставлении фирмы без его имени, а равно и с включением его в оную. Точно так же он находит слово под редакцией не соответствующим действительности, ибо этой редакцией мы, как выше сказано, были заняты с ним много раз и после любезных указаний Ваших. Вчера граф Олсуфьев был у меня и вполне становится в этом случае на стороне Соловьева и других знатоков, настоятельно требующих от меня уступок Соловьеву.

Надеюсь, Вы убедитесь, что я в настоящем случае только пассивен, ограничиваясь повторением на обертке Вашего заголовка с выпуском в нем слова под редакцией и оставляя: с введением и т. д.⁵⁶

⁵⁵ Действительно, в текст перевода вошло это примечание Д.И. Нагуевского. Ст. 293, I «Будут законы давать: железом затворов запрутся», в примечании сказано: *Железом затворов*, т. е. железными затворами (см.: Энеида Вергилия; Пер. А.А. Фета... С. 15).

⁵⁶ Отметим, что на титульном листе перевода Вергилия написано: «Со введением, объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского, ординарного про-

Положа руку на сердце, скажу, что считаю все это мелочами, нимало не изменяющими дела, и мне было крайне жаль, если и с Вашей стороны я встречу такие же затруднения, какие испытал здесь.

В настоящее время набирается уже третья книга, и поэтому я надеюсь, что буду в состоянии к концу ноября выслать Вам несколько экземпляров первого тома на веленовой бумаге, а затем приступить к печатанию второго тома, для чего мне нужны Ваши примечания.

Если же почему-либо Вы не можете выслать мне таковых хоть для первых книг к декабрю, то не откажите предупредить меня о том любезно, т.к. на этот случай граф Олсуфьев берет на себя написать их для меня, и такая со стороны его любезность потребует новых объяснений в предисловии.

Конечно, ни Вы, ни я не ожидали такого усложнения простого дела.

В ожидании любезного ответа прошу принять уверения в искренней признательности и искреннем уважении.

А. Шеншин.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 30–31.

№ 16

Москва

Плющиха, собственный дом

21 ноября 1887 г.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Сию минуту был у меня граф Олсуфьев и обрадовал меня известием, что Вы изъявили согласие довести любезно начатое Вами дело до конца. Если бы между нами состоялось личное свидание, то я ни на минуту не сомневаюсь, что свалившаяся, как *deus ex machina*⁵⁷, буря в стакане воды разъялась бы в двух словах. Ибо, если бы я хотя на миг сомневался в незаменимой пользе

фессора Императорского Казанского университета». Отметим и то, что фамилии Фета и Нагуевского набраны одинаковым шрифтом.

⁵⁷ Бог из машины (лат.).

Вашего критического просмотра перевода и примечаний, не говоря уже об ученом авторитете, доставляемом изданию Вашим именем, – то кто же бы или что же могло меня побудить беспокоить Вас на таком расстоянии, поглощающем одною корреспонденцией столько времени? В довершение ко всему, как человек заинтересованный общим с Вами делом, я могу сообщить Вам о совершенно неожиданном для меня стороннем вмешательстве, не считаю лично для себя оскорбительною всякую мысль, будто бы я на любезное и бескорыстное сотрудничество Ваше способен был ни с того ни с сего ответить неблагоприятными инсинуациями. Такая мысль равнялась бы указанию на мою неблагоприятность. Но, слава Богу! – туман недоразумений рассеялся, арена совместного нашего труда вновь расчистилась. Если я безгранично веряюсь Вашему ученому авторитету, то прошу вникнуть в мои практические мероприятия ввиду всех обстоятельств дела. До напечатания 12-й книги «Энеиды», т. е. до 15 февраля, далее которого я тянуть печатание по обстоятельствам (1-го марта я уже усзаю в деревню) не могу. Перед нами еще два с половиной месяца, которыми я желал бы воспользоваться с наименьшим для Вас напряжением и тратой дорогого Вашего времени. Вчера я держал корректуру прекрасного введения Вашего, и потому в скором времени буду иметь возможность выслать Вам первую часть «Энеиды».

При чтении текста Вы убедитесь, как часто уже при чтении корректуры мне удавалось исправлять те или другие неудачные стихи. Если это случалось со стихами, подвергавшимися столько раз тщательным пересмотрам, то Вы можете себе представить, до какой степени при написании примечаний пришлось мне исправлять остальные 6 книг.

Итак, имеющиеся у Вас списки переводов этих книг не могут дать Вам понятия о переводе в настоящем его виде и способны только сбивать Вас, представляя излишнюю работу. Поэтому прошу Вас обратить внимание на следующую практическую комбинацию. Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й, а тексты оных по крайнему моему разумению и возможности исправлены. Тем не менее могут встретиться места, требующие Ваших указаний по неправильному их

пониманию или чему-либо иному. Вследствие этого я бы поступил таким образом. По отпечатании 7-й книги в гранках я перешлю ее Вам в гранках и приложу к ним мои примечания. Заметки Ваши могут по примеру 1-й части «Энеиды» ограничиться указаниями под цифрами на обыкновенных листках, каковым способом могли бы Вы изменять или добавлять и мои примечания. А так как сила вещей требует просмотра книги в неделю, то я, не дожидаясь Вашего ответа, т. е. присылки поправок 1-й книги, выслал бы таким же порядком через неделю 2-ю, затем 3-ю и так до конца. Конечно и несомненно, цель обоих нас при сотрудничестве дать литературе по возможности удовлетворительный перевод «Энеиды», чтобы не повредить нашему общему труду, мы не должны до окончания его расходиться в разные стороны, но кроме этого не следует упускать из виду и того соблазна, в который мы введем публику, приученную заглавием 1-й части, смотреть на книжку, как на продукт нашего общего труда и выдающую вдруг, что мы по неизвестным ей причинам не держим нашего обещания. Не будет ли это некоторым пособием раздачи подписчикам журнала за вторую половину года, не абонированного издания, а совершенно иной редакции. Более скорых и удобных для нас обоих приемов успешного продолжения нашего труда я придумать не могу и потому убедительно прошу Вас, если Вы со своей стороны не найдете чего-либо более удобного, почтите меня в самоскорейшем времени о Вашем на этот счет решении. Если дело это останавливается на этом моем плане, то Вы окончательно успокоите меня на счет судьбы второй части «Энеиды». Повторяю: я льщу себя надеждой, что в настоящем виде переводы остальных книг, над которыми я лично много потрудился, представят Вам немного камней преткновений. Чтобы начать пересылку к Вам гранок и примечаний, мне необходимо предварительно получить одобрение моего плана или замену его каким-либо другим. Что касается до содержания книги, выставяемого в заголовках каждой книги, то прошу Вас о нем не беспокоиться, т. к. ошибка в этом отношении с моей стороны немислима, а между тем писание их отнимает у Вас время. Не скрою также, что преимущественно дорожу тем, что перевод мой пройдет, так сказать, церемониальным маршем перед глазами специалиста знатока и